БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ

Эдуард Веркин

Тот, кто стоит за спиной

•

Страж водопоя

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ

70

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Оформление серии *Натальи Никоновой*

Веркин, Эдуард Николаевич.
В32 Большая книга ужасов 70 : повести / Эдуард Веркин. — Москва : Эксмо, 2016. — 512 с. — (Большая книга ужасов).

ISBN 978-5-699-91060-1

«Тот, кто стоит за спиной»

Считаешь, бука — страшилка для маленьких? Несмотря на свое безобидное прозвище, он — настоящее чудовище! Кошмар, страх, паника... Не существует слова, чтобы описать те ощущения, которые испытываешь, столкнувшись с ним в реальности. И рациональные аргументы не помогают. Оружие не помогает тоже. Обычно бука стоит у тебя за спиной. Но не вздумай оглянуться: если ты его увидишь — это конец!

«Страж водопоя»

Ты уже думал о том, что такое зло? Красноглазый монстр, таящийся в лесной чаще и подстерегающий тех, кто пришел напиться к его реке? Или обычные люди, готовые на все ради безопасности и выгоды? Марсель и его сестра Светка встретились со злом лицом к лицу, просто приехав в тихий городок Холмы. Ребята оказались здесь одни, без родителей. И попали в искусно расставленную ловушку...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91060-1

© Веркин Э., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Тот, кто стоит за спиной

Глава I

Пугач

Сомёнкова ждала уже полчаса. Уроки закончились в половину второго, и он должен был появиться. Но не появился, то ли тянул, то ли вовсе его в школе не было сегодня. Может, завтра подойти?

Завтра неплохо бы, только вот ждать…

Ага.

Дверь хлопнула, на крыльце показался Круглов, она его как-то сразу узнала. Тощий, в тяжелых ботинках, все как рассказывали. И выражение лица тоже как рассказывали. Чересчур самоуверенное.

Он брезгливо огляделся, плюнул за перила, сбежал по лестнице и деловито протопал мимо Сомёнковой, довольно нагло задев ее рюкзаком.

Хам, подумала она. И почти сразу вспомнила, что все приличные люди в этом возрасте хамы, защитная реакция такая; если не будешь хамом, то другие, настоящие хамы, прикидывающиеся добрыми людьми, мгновенно тебя сожрут. На полтора зуба.

— Эй! — позвала она.

Парень не остановился.

— Круглов!

Парень обернулся.

— Погоди!

Девушка подбежала к нему, едва за рукав не уцепилась. Парень ухмыльнулся.

— Ты ведь Круглов? — спросила она.

— Ну.

Он зевнул. Точно наглый. Она не стала бы с таким дружить. А с ним и так никто, наверное, не дружит, еще бы — водиться с таким странным типом…

— Что тебе, Изергиль? — спросил Круглов.

— Разговор есть. Я не Изергиль вообще-то.

— Все так говорят. Так чего надо-то?

Парень зевнул, достал из кармана мятные леденцы.

— Будешь? — спросил.

Она от леденцов отказалась.

— Зря. Освежают дыхание. Если разговор — то тут парк по пути. Можем там поболтать.

— Хорошо, пусть в парк.

Они двинулись в сторону парка.

Круглов, кажется, учился в девятом, на год младше, и Сомёнкова долго думала, как себя с ним вести: на равных или чуть свысока? Решила, что лучше на равных, во всяком случае, на первом этапе, потом поглядим.

Он нарочно шагал слишком быстро, ей приходилось поторапливаться, что очень мешало думать, а замедляться парень явно не собирался, шагал себе, жевал жвачку, надувал зеленые пузыри, придурок.

Они прошли парк почти до середины, до старой скучной карусели, остановились под ней, недалеко от покосившегося тира.

— Ну, чего надо? — недружелюбно спросил Круглов.

— Понимаешь, у меня странная просьба… — начала Сомёнкова. — Она необычная…

— Ого! — Круглов сделал большие глаза. — Ты меня, Изергиль, интригуешь, однако. Знаешь, иногда у… — он быстро окинул ее прищуренным взглядом, —

спортсменок, видимо… Так вот, у спортсменок иногда такие причуды — мама вздрогнет. Вот был я знаком с одной бобслеисткой, так она машины толкать любила.

— Как?

— Так. В прямом смысле. Идем по улице, мечтаем, о Бальмонте беседуем, а она вдруг и говорит: «Виктуар, видишь вон ту черную «восьмерку»? Так я ее сейчас толкну в полтолчка». И раз — подбегает к машине — и толкает, так запросто, без предупреждения. Сигнализация, конечно, срабатывает, мы удираем от хозяина с монтировкой, очень весело. Особенно если каждый день по два раза. Ты как, не бобслеистка, случаем?

— Не, я на коньках…

— На коньках — это уже лучше, с коньками не забалуешь. Хотя я слышал, вы там об лед часто стукаетесь, и все головой. Правда?

— Нет, я не стукалась. Два раза ребра ломала, а головой нет…

— Точно? — сочувственно спросил Круглов.

— Да…

Сомёнкова вдруг почувствовала себя глупо. Она стоит возле старого тира и убеждает парня, который к тому же младше ее на год, что она никогда не стукалась головой об лед. С третьего класса про это мечтала.

— Это хорошо, что ты не стукалась. — Он похлопал ее по плечу. — Просто здорово. Так чего тебе от меня-то надо?

— Надо кое-кого проучить, — сказала девушка.

— Это не ко мне, — отрезал Круглов. — Это к Лосю, он кого хочешь проучит. И недорого, две штуки — зуб, штука — фонарь, куртку в грязи извалять почти бесплатно…

— Мне не так нужно.

— А как? — ухмыльнулся Витька.

— Как с Пушкиной.

Круглов не прореагировал. Сомёнкова предположила, что он сделает большие глаза, спросит: «А ты откуда знаешь?» Но он и здесь проявил удивительное равнодушие, леденец в рот закинул.

— Как с Пушкиной, — повторила она с ударением.

— С какой Пушкиной-то? — лениво спросил парень. — Племянницей Александра Сергеевича?

— Из четырнадцатой школы которая.

— И что с ней такого случилось? — улыбнулся Круглов.

— Как что? В дурдом на неделю загремела.

— Да? — удивился парень. — В дурдом?

— В психушку, — уточнила Сомёнкова.

— В психушку… А я при чем?

— Да ладно! — Она осмелилась схватить его за рукав. — Все знают, что это ты!

— Я ее в дурдом отправил?! Ты что, хоккеистка, опомнись…

Девушка помотала головой:

— Нет, ты не так понял. Ты ее напугал как следует, а в дурдом ее уже родители определили, она на всех дома кидалась… Знаешь, ей дурдом только на пользу пошел — сейчас отличницей стала, в хоре поет.

— В церковно-приходском? — осведомился Круглов.

— Не знаю… Мне тоже надо.

— В дурдом? — уточнил Круглов. — Или в хоре петь?

— Хватит прикалываться, — попросила Сомёнкова. — В дурдом мне не надо. И в хор тоже — у меня слуха нет. Мне требуется помощь. Понимаешь, она сделала мне гадость…

Витька вздохнул.

— Она сделала мне гадость, — повторила девушка. — Знаешь… — Она поморщилась.

— И ты как настоящая добрая самаритянка собираешься сделать ей ответную? — закончил он.

Круглов наклонился, поднял кусок асфальта, швырнул в разбитое окно тира, асфальт упал на что-то мягкое, не громыхнул.

— Ну, в общих чертах если, — согласилась Сомёнкова. — Только не гадость сделать, а проучить.

— Чрезвычайно гуманно, — согласился он. — Не гадость, но проучить… — это антично, как ты думаешь?

— Как?

— Антично, — повторил парень. — Ну, «Одиссея», «Илиада», древние греки всякие. Читала?

— Читала…

— Высок уровень образования среди наших хоккеисток, что не может не радовать. Ладно, Изергиль, повеселились и хватит. Ты хочешь отомстить некоей инфернальной…

— Любке.

— О ужас, Любке! А при чем здесь я? Это ваши девчачьи разборки.

— Но это ведь ты… Ты наколдовал Пушкиной…

— Что?! — Вот здесь Круглов, кажется, удивился.

С реки поднялся ветер, карусель ожила, пошевеливалась и издавала пронзительные живые звуки. Сомёнкова поглядела на нее с опаской — а вдруг сейчас на голову завалится?

— Ты же на нее порчу навел, мне рассказывали…

Это она произнесла совсем шепотом, чтобы никто-никто не услышал.

— Во дуры-то… — Парень помотал головой. — Нет, всегда знал, что девушки в этом возрасте интеллектом

не изуродованы, но чтобы до такой степени… Какое колдовство? Какая порча? Ты что, красавица, халвы объелась?!

— Я нет… Но Пушкина ведь почти месяц в школу не ходила. Говорят, ее в психлечебницу возили… Ты вроде как это… Пугач?

— Это вас всех в психлечебницу надо! — Круглов постучал себя по голове. — Пугач… У вас крышу сносит, а потом вы черт-те что придумываете! И ко мне пристаете. Тебе хоккея мало, ты иди на греблю, что ли, запишись — энергия дурная сразу снизится…

Сомёнкова разрыдалась. Страстно, отчаянно, безнадежно, еще в пятом классе так выучилась, когда отец не купил телефон. Три минуты — и новенькая «Нокия» в кармане. Безотказное оружие, главное, не использовать его слишком часто. А так никто устоять не может.

Но Круглова не пробило.

— Ага, — кивнул он. — Истерика, охотно верю. Все с тобой понятно. — И отправился дальше.

— Стой!

Он остановился.

— Стой.

Сомёнкова подошла к Круглову и достала из сумочки мобильник. Это была уже не старенькая «Нокия».

— Айфон, — поморщился Круглов. — Интересно…

— Четвертый, совсем свеженький.

Сомёнкова протянула коммуникатор Витьке. На мобильник она копила почти год, расставаться с ним было жалко, но Любку на самом деле требовалось проучить. Телефоном придется пожертвовать.

— На.

— У меня такой есть, — опять зевнул Круглов. — И айпод тоже. И PSP новую я тоже заказал. Это я тебе

так, на всякий случай говорю. Предвосхищаю полет твоей фантазии, так сказать…

— Ну я не знаю… Помоги, а?

— Она у тебя что, дружка увела, что ли? — ехидно осведомился парень.

— Нет! — Девушка опять покраснела. — Любка… Это без разницы. Я хочу ее хорошенько проучить. За что — неважно.

— Кого ее-то?

— Ты не знаешь, она в другой вообще школе… Мы вместе на катание ходим.

— А, понятно, вместе коньком ушибленные, так бы сразу и сказала.

Сомёнкова скрипнула зубами.

— У тебя отец где работает? — спросил вдруг Круглов.

— В ГИБДД.

Он задумался примерно на минуту.

— Права сделать может? — спросил он.

— Кому?

— Мне, кому-кому.

— Так тебе еще шестнадцати нет, а учиться можно…

— Я не тороплю, — ухмыльнулся парень. — Я тебе сейчас помогу, ты мне потом. Как?

Девушка немного подумала. Через год она сама собиралась сдавать на права, отец обещал помочь. Если сказать, что Круглов ее друг, то поможет и ему. Наверное. То есть скорее всего.

— Хорошо, — согласилась она.

— Что — хорошо?

— Будут тебе права. Но не сейчас, года через два. Как?

Витька ухмыльнулся.

— Что? — Сомёнкова на всякий случай обернулась — никого.

— Смотри, если надуешь…

— Вот еще! — фыркнула Сомёнкова.

— Тогда надо обсудить детали, — сказал он. — Это такое дело, просто так…

— Пойдем в «Театральное», — предложила девушка. — Там недорого…

— Ты что, в самом деле коньком ушибленная? Кто ж такие вещи в кафе обсуждает? Нет, дорогуша, забудь. Тут нужна конспирация. Мы ведь не пирожками торговать собираемся. Пойдем ко мне, обсудим операцию.

— А ты где живешь?

— В Афанасове. Что, боишься уже? — Круглов зловеще ухмыльнулся.

Сомёнкова подумала, что, может быть, она это все и зря.

— Не боюсь, — упрямо сказала она. — Поехали.

Глава II

Теория страха

— Ну, и где ты живешь? — ехидно осведомилась Сомёнкова.

— Тут уже недалеко, — успокоил парень. — Минут пять осталось.

Автобус катил по частному сектору, мимо медленно проползали скучные одноэтажные дома с поленницами и пристроенными гаражами, девушка зевала и поглядывала на спутника с сочувствием. Жить здесь… У них и газа тут, кажется, нет, наверное, дровами топят. И туалет на улице, по принципу — одной палкой опирайся,

другой от волков отбивайся. Еще и кладбище недалеко, вспомнила она. Заброшенное. И Круглов там, наверно, конфеты с могил собирает. А потом их продает, на айфон собирает… Нет, это уже слишком, не похоже на него. Не собирает конфеты, просто подрабатывает копателем. За сдельную плату. Ну, или просто гуляет — фотографии на могилах рассматривает…

Автобус остановился.

— Вылезаем, — сказал Витька.

И руки даже не подал, кавалер.

Выбрались на воздух. Дождь, невидимый, но противный, Сомёнкова пожалела, что не взяла зонтик и не надела сапоги, а Круглову, кажется, непогода совсем не мешала — пугач самодостаточно пошлепал по лужам.

Пришлось догонять.

Они шагали по узенькой улочке имени Генералова. Никакого асфальта улице не полагалось, а полагались грязь, песок, лужи и мокрые собаки. Ее спутник был им явно знаком, а вот на нее они поглядывали с подозрением. И улица Генералова тянулась и тянулась, настроение у девушки ухудшалось пропорционально длине — в конце улицы дома совсем испортились, скукожились, краска облупилась, крыши просели, а заборы завалились по сторонам. Заросшие сады, яблони, увешанные никому не нужными красными яблоками, на фоне опавшей листвы они смотрелись зловеще.

— Круглов, ты что, в сарае живешь? — спросила Сомёнкова, вляпавшись в очередную лужу.

— Почти. Тут уже рядом. Метров пятьсот.

Улица Генералова неожиданно кончилась, вросла в землю, растворилась в зарослях рябины. То есть кончилась одна улица Генералова и началась другая. Совсем другая. С высокими кирпичными заборами. С гладким чистым асфальтом, с чугунными фонарями.